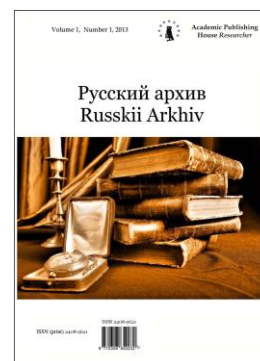

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2020, 8(1): 54-74

DOI: 10.13187/ra.2020.1.54
www.ejournal16.com

Interview with Alexei Illarionovich Shapovalov about His Service in the 5th Don Cossack Cavalry Corps

Preparation for publication, introductory article and comments

Maxim V. Medvedev ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The interview with Alexey Illarionovich Shapovalov was devoted to his military biography and frontline daily life during the Great Patriotic War. A.I. Shapovalov, a member of the 5th Guards Don Cossack Cavalry Red Banner Budapest Corps, participated in the liberation of Donbass, in the fights for Volnovakha, in the battles for Left and Right Bank Ukraine, in the liberation of Moldova, Romania and Hungary. The respondent details how his call to the front was carried out, how he had to adapt to the peculiarities of military service and endure all the hardships and deprivation of military life. The author of memories also shares moments from his personal life during the war and situations when he faced the enemy in combat conditions. The memories of A.I. Shapovalov are valuable evidence of how the war formed from an ordinary man the future professional of military affairs, in particular, the experienced armour-breaker, which he became during the Great Patriotic War.

Keywords: A.I. Shapovalov, Great Patriotic War, 5th Guards Don Kazakh Cavalry Corps, front daily life, oral history, military memories.

В последние годы особую актуальность приобретает обращение к истории Великой Отечественной войны, благодаря не только введению в научный оборот ранее неопубликованных архивных документов и материалов, но и возможности широкого использования устных источников в исторических исследованиях. В прошлых выпусках «Русского архива» уже поднимались вопросы применения устных источников в изучении проблем Великой Отечественной войны (Krinko, Khlynina, 2014c; Arkhipova et al., 2015). Неоднократно были опубликованы и воспоминания непосредственных участников и очевидцев тех событий (Krinko, Khlynina, 2014a; Krinko, Khlynina, 2014b; Krinko, Kurbat, 2015; Krinko, 2016). Данная публикация продолжает серию интервью участников Великой Отечественной войны.

История 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса на фронтах Великой Отечественной войны заслуживает отдельного внимания. Как известно, Великая Отечественная война стала «лебединой песней» русской кавалерии, после которой данный род войск прекратил свое существование. Однако советские казацкие формирования,

* Corresponding author
 E-mail addresses: m1max@mail.ru (M.V. Medvedev)

несомненно, овеяли свои знамена славой и почетом. Страницы героического боевого пути этого прославленного корпуса нашли прочное место в народной памяти, что выражается в различных формах его мемориализации.

В послевоенные годы был подготовлен и издан сборник воспоминаний ветеранов корпуса (Пятый донской, 1979), а к 40-летию Победы опубликован военно-исторический очерк о героическом пути корпуса (Горшков, Овчаренко, 1985). Однако многие публикации того времени носили выраженную идеологическую окраску и не позволяли установить особенности повседневной жизни советского человека на войне.

Воспоминания Алексея Илларионовича Шаповалова являются важным свидетельством того, как война формировала из обычного человека будущего профессионала военного дела, опытного бронейщика. Интервью А.И. Шаповалова также существенно дополнит имеющиеся источники по истории 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса новыми подробностями о военной повседневности.

Автор воспоминаний – Алексей Илларионович Шаповалов родился в 1925 г. на станции Куберле (в настоящее время – в составе поселка Красноармейского Орловского района Ростовской области). В начале 1943 г. после освобождения Орловского района Ростовской области, не окончив 8-й класс, добровольцем ушел на войну. Был зачислен в 11-ю гвардейскую Донскую казачью кавалерийскую дивизию 5-го гвардейского Донской казачьего кавалерийского корпуса. Вскоре был назначен первым номером расчета противотанкового ружья (ПТР) в составе 37-го гвардейского казачьего кавалерийского полка, в котором служил до конца войны. В начале сентября 1943 г. вступил в свой первый бой на реке Кальмиус в Донбассе. В составе Южного фронта участвовал в освобождении города Волноваха Донецкой области, неоднократно проявлял боевую смекалку и совершал подвиги в составе 4-го Украинского фронта в боях за Левобережную и Правобережную Украину. В составе 2-го Украинского фронта участвовал в освобождении Молдавии, Румынии и Венгрии. Учитывая особенность расчета ПТР, А.И. Шаповалову всегда приходилось работать со вторым номером (помощником). Во время боя первый номер вел огонь из орудия, а второй номер подавал и заряжал патроны. За весь период боевых действий четыре помощника А.И. Шаповалова погибли, а он сам неоднократно получал ранения.

В 1950 г. А.И. Шаповалов окончил Таганрогский пищевой техникум. С послевоенных лет и до наших дней проживает в г. Таганрог Ростовской области. По семейному преданию считает себя потомком Е.И. Пугачева. Является почетным казаком Таганрогского казачьего округа. В последние годы посвятил себя живописи и пишет картины сражений, в которых сам принимал участие в годы Великой Отечественной войны. А.И. Шаповалов также приложил усилия для сохранения памяти о 5-м гвардейском Донском казачьем кавалерийском корпусе. Он опубликовал книгу с воспоминаниями о своей службе в казачьем корпусе (Шаповалов, 2010). Награжден орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны I степени в ознаменование 40-летия Победы в Великой Отечественной войне, двумя медалями «За отвагу», медалью «За взятие Будапешта», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими наградами.

Интервью с А.И. Шаповаловым проводилось 28 мая 2014 г. в Таганроге в квартире респондента. Продолжительность интервью составила 141 минуту. Вопросы интервьюера выделены полужирным шрифтом. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках.

Рис. 1. Шаповалов Алексей Илларионович. 1945 г. (Семейный архив А.И. Шаповалова)

Алексей Илларионович, расскажите, где Вы родились?

Родился я в 1925 г. в Ростовской области, станция Куберле [вблизи станции] Пролетарская, Двойная и Куберле. Отец мой работал в колхозе. Потом, в 1942 г. немец пришел, а 11 января 1943 г. Куберле освободили. Отец уже был на фронте, брат тоже на фронте был. Мы пришли в школу на второй день – 12 января, все пришли, пришли учителя, нас два восьмых класса было. Первый вопрос учителей был: «Что будем делать, ребята?». Мы все, считай 15, 16, 17-летние парнишки, восьмиклассники, в один голос: «Мы пойдем воевать!». И, действительно, на второй день – 13 января – мы собрались, не все, а сколько собралось, пошли в район. В это время как раз было формирование 5-го [гвардейского] Донского казачьего кавалерийского корпуса, там наши отцы раньше уже были, прошли Кавказ, из Кавказа вернулись и братья. И все мы пошли. Попал я в 37-й полк, в 11-ю [гвардейскую казачью кавалерийскую] дивизию, отец был в 12-й [гвардейской казачьей кавалерийской] дивизии. В это время отец вернулся домой, его ранило под Моздоком, из-под Моздока попал он в Тифлис¹ и там был. Он был сапожником, работал до конца, до освобождения Куберле, а когда освободили [станцию], [отец] пришел домой, меня уже не было. Ну а там 45 км всего было, Веселовский район. Он приехал туда, нашел меня, посидели, поговорили, [отец] говорит: «Я сейчас пойду к командиру дивизии, – к своему, 12-й дивизии, в 45-м полку он был, – поговорю, чтобы тебя перевели в мой полк, мой взвод, чтобы ты как бы заменил меня – отца». Поехал он на второй день, мы встретились, пришел и говорит: «Ну что, сынок, не получается, говорил с командиром полка, – старики были, знают его, – посоветовал не трогать, потому, что уже время прошло, он уже обжился там, со своими ребятами, устроился, а если переведешь в свой полк, он среди нового коллектива будет, не советую я тебе его срывать, [сказал командир]».

Отец пришел, посидели, поговорили. Пошел к командиру нашего эскадрона, тоже поговорил с ним. Потом, когда расходились, он смотрит на меня – у меня порванные [сапоги] такие. Ну, с дома, как в чем ходил, в том и пошел. Он говорит: «Знаешь, что, сынок, я сапоги пошил, – на нем хорошие сапоги, сам он сапожник, – на тебе, я прошел от Куберле до Кавказа, весь Кавказ облазили там, а ты в них дойди до Берлина, чтобы в Берлине прошел в моих сапогах». Ну вот, переобулись, потом были мы в Веселовском районе, обучали [нас стрельбе из] ПТР², я во взвод пэтээровцев³ попал, а противотанковое ружье большое. Были у нас практические занятия. За селом стоял плуг, на него мы приклеили лист бумаги, тетрадный лист бумаги, 150 [метров], примерно, а то и больше метров отошли. Попадали, один выстрел – не попал, второй – не попал, я третий, сажусь и прямо в центр.

¹ Тбилиси (Тифлис – до 1936 г.).

² Противотанковое ружье.

³ Стрелок, вооруженный противотанковым ружьем.

Вот и первый номер. Ружье мне вручили. Потом после этого перевели нас в воронежские леса, в своей одежде мы еще были, не одеты, не обуты. Нам занятия проводили, долго мы стояли там, но не знаю точно времени.

Какие это числа были? 1943 г.?

1943 г., февраль, в марте месяце или даже чуть позже, там мы долго стояли. Стали нас переодевать. Я взял все, кроме сапог, сапог я не взял. «Почему? – призывает командир, помкомвзвод¹, – почему ты не взял?». Я им рассказал, что мне отец дал сапоги и сказал, чтобы я вошел в них в Берлин. На меня надавили, сапоги сняли, эти оставили. Я один остался, все ушли. Вот, переделся, ну а что делать? Босиком же не будешь ходить? Потом вечером подходит помкомвзвод: «Пойдем!». Я говорю: «Куда?». – «В штаб полка нас вызывают». В штаб полка пришли мы вечером уже. Подходим, там же, в лесу, в расположении. Смотрю – шалаш натянутый, небольшой такой. Возле шалаша сидит полковник один, никого нет. Котелок висит, греется суп там или еще что-то, чай грелся. Подошли, я говорю: «Гвардии казак такой-то, прибыл по Вашему приказанию».

[Полковник]: «Так, солдат Шаповалов, скажи, почему ты не выполнил приказ своего командира? Не взял сапоги!». Я ему стал рассказывать. Рассказал все, как было, как отец приезжал, как мне их дал, как отец здесь же, в этом же, как говорится, только в 12-й дивизии, в казачьих войсках. Потом он поговорил со мной еще, спрашивает: «Как казак, отличной политической подготовки?». [Помкомвзвод]: «Хороший казак, нечего сказать в общем». Он [Полковник]: «Если бы ты был плохой казак, я бы тебе дал 10 суток за невыполнение приказа командира. Иди в полк!». Я пошел, командир остался, он с ним что-то говорил, я, конечно, не знаю, но давал какую-то нотацию. Утром смотрю, еще сплю, приходит помкомвзвод, приносит сапоги, отдает мне эти сапоги и говорит: «На, куда хочешь, туда и девай, они твои, а эти не снимай». Полежали они с неделю у меня. А куда я их дену? Если бы лошадей дали, седла дали, все обмундирование, чистили и гладили все, до блеска доводили.

Ездовой наш Стариков, он же едет в села за продуктами и говорит: «Давай я тебе их [сапоги] продам, будут деньги, в карман положил и все. Что ты с сапогами? Куда ты их, в сумки положишь? В седло положишь? Не положишь, не разрешат». Я сначала не соглашался, а потом отдал ему. Приезжает он, привозит мне 400 рублей, продал сапоги. Может, конечно, дороже тогда их продал, ведь сапоги хорошие. Потом с неделю крутится возле меня: «Пойдем, сыграем в карты?». Он всех обыграл в эскадроне, полная сумка денег у него. Я говорю: «Да я карты в руках не держал, не понимаю, как в карты играть. – Я тебе расскажу, ты меня еще обыграешь и сумку денег [сможешь] забрать». Ну, думаю: куда сапоги дену? Конечно, выкину или куда отдам. Сели с ним, сыграли, он мне рассказал как, показал. Я как будто бы понял. Сели играть, я у него 200 руб. выиграл, в общем, рублей 800 выиграл. [Стариков]: «Да что за черт? Что я, играть не умею или что?». В общем, в масть. Ну а потом говорит: «Давай, уже надоело, мне надо ехать, под банку, что у меня в сумке и что у тебя в руках, если ты выигрываешь, значит, мою сумку забираешь с деньгами, я считать не буду. Если ты проиграешь свои деньги, значит, отдать должен». Ну, договорились, давай раз, два банковать. У меня было 26, он вытаскивает, у него 21, забрал деньги. Вот это я сапогами рассчитался.

Потом одели нас и, по-моему, 17 августа что ли, когда было это под Курской дугой, сильный бой. В это время нас примерно за неделю всех погрузили в вагоны, и мы переехали под Матвеев Курган, сюда перебросили нас. Одновременно там ударили танковой бригадой, а здесь кавалерия ударила по фронту, на Кальмиусе, где 101-я высотка как раз была.

Миус или Кальмиус?

Кальмиус впадает в Миус.

Но Кальмиус в Донбассе.

Вот там вот эта самая гора – Саур-Могила. Он [Кальмиус] идет по той стороне горы. Речка Крынка там проходит, и Миус проходит по этой стороне, а Кальмиус заходит туда.

Правильно, это линия Миус-фронта.

Первый бой у нас был. Погрузились где-то, на каком-то полустанке разгружались, за Матвеевым Курганом там где-то. Потом в конном строю в Куйбышево поехали, сюда

¹ Помощник командира взвода.

поднялись, к 101-й высотке. Туман невозможный, не видно ничего, как молоком покрыто, низменность как-то пошла. И мы не доехали метров, наверное, 500, до Кальмиуса, а Кальмиус с той стороны обрубил, как противотанковый ров односторонний получился, там не глубоко, по пузо лошадям речка была. И когда мы стали подъезжать, туман стал расходиться, когда мина раз – возле нас упала. Команда: «Рысью!» Мы по эскадрону шли, полк, рысью пошли, галопом, и вот эти 400 м пролетели как за минуту, за две или там сколько. Через речку переехали, сразу лошадей побросали, оружие похватили, у кого что есть, я ПТР схватил, вылезли.

Вы на лошади были?

На лошадях, да, верхом на лошадях. И пошли в наступление. Первый пулемет заработал. Высотка была левее, наш пулеметчик пулемет выдвигал на эту высотку и мина падает прямо в них, пристреляно все было, и прямо в них. Пулемет только в сторону, руки-ноги полетели от него. Самое страшное, что я видел, аж волосы стали у меня дыбом, все это так. Пошли в наступление. Пулемет заработал под 101-й высоткой. В это время наша артиллерия уже расположилась. Наша бьет артиллерия тоже прямой наводкой, недалекое расстояние, убрали. Взяли мы эту 101-ю высотку, прошли, приказ: «Окопаться! Остановись!». Окопались и сидим же, кто сидит на окопе, мои товарищи, две, три или четыре мины, немного там ударило, и его мина разорвала, он сидел на окопе, так и остался, убило первого товарища моего. Потом рассмотрели, разошелся туман, два танка наших подбило до этого. Вышли два танка наши, а отсюда откуда-то ударило орудие, не видно. А там, оказывается, балка идет к высотке, и они расчистили площадку для танка, одну и вторую. И вот, танки стоят, ствол только ходит по земле, его не видно, ни танка, ничего, по земле ствол. Когда мы увидели это, что рядом, метров 400–300 не добежали до танков. Поэтому и остановились. Приказ: «Отступать без паники!». Мы стали отходить назад. Когда немного отошли, выскакивает немецкий танк, легкий уже, не «Тигр», и идет вот так параллельно, а я с этой стороны ухожу, ребята кричат: «ПТР, где ПТР?». Я и забыл свой ПТР, тащу его так, ну, первый раз. Дошло до меня тогда сразу, тут ПТР ставлю на землю, метров, наверное, так, на 100, нет, дальше от меня. Я-то прицелился, ударил раз в моторную часть, потому что если бы он на меня шел, я бы тогда целил по гусенице, а так в моторную заднюю часть ударил раз, он – дыр, дыр, дыр, задыркал, а сам еще двигался. Я еще раз ударил, он совсем стал. Вот это первый танк подбил, в первом бою.

Назад отошли, кухня наша. Лошадей подали, покушали. Примерно часа два–три, до полуночи мы отдыхали там, потом обратно на лошадей и всю ночь ехали. Оказывается, мы поехали в Волноваху. Город Волноваха есть такой. В этом городе Волновахе – подъезжаем, артиллерия стоит наша в кукурузе. В общем, Волноваху мы брали два дня. Первый наш лейтенант Григорий Савченко как раз командиром был этих пушек, четыре батареи стояло. Он сам стал за батареею, за пушку – орудие, и четыре танка подбил, и остальные повернули. Потом другой командир батареи лейтенант Белый Саша, на конной тяге его батарея – четыре пушки, залетает в город. Прямо – немцы в городе, а четыре пушки залетают в город, быстро разворачивают на четыре стороны, расставляют, начинают бить пушки, и к вокзалу, у территории вокзала остановились. Вокзал – забитый весь вагонами. Он разворачивает пушку и прямо в первый тепловоз. Подбил тепловоз, чтобы не вышли составы. Потом, когда уже заняли, когда пошли туда, к этим вагонам, три вагона было наших девчат и ребят. Три вагона было закрытых! Кричат, гудят, слышу где. Открыли. Они: «Кто? – кричит, – дай мне автомат, дай мне это, я пойду с вами!». Второй командир эскадрона Сапунов залетает прямо с другой стороны на окраину, эскадрон сразу лошадей туда-сюда. В конном строю залетел тоже, и заняли круговую оборону. Вот два дня были там в окружении. А наша 11-я дивизия – 37-й полк зашел обратно, с тыла. Идем мы по кукурузе, когда раз! Снаряд у меня над головой. Вот я увидел, что стоит броневик, бронетранспортер. Я сразу ложусь и с пэтэра раз, второй раз. Немцы выскочили, по кукурузе стали убегать, а там ребята. У меня ни автомата нет, ничего. Бронетранспортер подбил на второй день.

Потом, когда прошел бой, закончили, стали ехать мы по Волновахе. Подумали, что это такие за домики стоят, улица целая. А это у них, оказывается, центральный склад боеприпасов был в Волновахе. Там улица была сложена снарядами, боеприпасами. Потом, после Волновахи, пошли мы дальше в Запорожскую область, перешли в направлении на Гуляйполе, на город Орехов. Вот эту картину нарисовал [показывает на картину], такая была

Малая Токмачка. После этого мы пошли по селам, уже не помню села: и Малые, и Большие Копани. Малые Копани заняли.

Это Херсонская область или Запорожская?

Запорожская уже область была. Малые Копани заняли, лошадей оставили, пошли наступать, километр – полтора – Большие Копани. Село называется так. Только вышли на шоссе, в это время три немецких самолета отбомбились и на бреющем полете разворачиваются, и по нам. Это сколько раз так было. Вот они отбомбили, разворачиваются, и первый прострочил по нам. Вот мы все попадали по кюветам, и он прошел, никого, правда, не зацепил. Второй летит на бреющем полете, 100–200 м высоты, не больше, громадина такая. Я своего второго номера, Володю Гудыму, вместе учились, вместе, как говорилось, гуляли: «Становись!». Он: «Я не буду!». Матом на него: «Я тебя сейчас, паразит, застрелю с пэтээра! Становись!». Он стал, я ему на плечо ПТР положил. Вот он, самолет! Прицелился: раз! Он как будто звук переменял, а я быстро перезарядил и уже из рук на прицел взял, второй раз ударил, и аж дымок пустил и пошел вниз.

Подбили?

Сел вниз. Тут ребята все кричат: «Так их, гадов, так их, гадов!». Весь эскадрон видел, как это получилось. Вот, мол, он подбил самолет и в газетах есть, писали.

Рис. 2. Фрагмент приказа командира 37-го гвардейского кавалерийского полка от 9 апреля 1944 г. о награждении А.И. Шаповалова медалью «За отвагу» с описанием уничтожения им самолета противника из ПТР. (ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5273. Л. 2)

Танк подбили, а потом самолет?

И самолет подбил. Так получилось... Артиллерия ушла раньше нас. Расположились уже все, 4 батареи по 4 орудия или 5. Нет, 4 батареи, по-моему, в каждой батарее 4 орудия. Расположились здесь. 3 так стало, навстречу, ожидать, откуда [пойдет противник], а Белый уехал со своей батареей в лес, со стороны, с фланга стал. Когда начался бой, приказом нас вернули немедленно. Я разворачиваюсь и галопом назад, на 2–3 км, по балкам расположились, по посадкам, расформировались. Когда через некоторое время смотрим – масса самолетов, 50, не больше, 40–50, писали, что 50 самолетов бомбило там, черное там [все было от дыма]. Когда ушли самолеты, танки показались. Смотрим – орудия начали работать¹, по звуку. Недалеко же там. Орудия начали бить. Добились до того, что снарядов нет, стрелять нечем. Что делают? Тягачи, которые пушки подвозили, грузят снарядами. 4 тягача снарядами, пулемет устанавливают или ручной пулемет на одного человека, и сколько есть скорости, включились эти тягачи, так помчались на передовую к пушкам. Немцы растерялись, не поймут, в чем дело, [наши] к пушкам подскочили, быстро разворачиваются, снаряды бросают, разворачиваются и назад, и пушки обратно заработали. С флангов стал бить, по-моему, 11 единиц [всего], бронетранспортеры, 7 или 9 танков подбили². Белый³ за это Героя Советского Союза получил. Мы туда каждый год ездили на встречу 18 июня⁴.

¹ Имеется в виду, что советские орудия начали вести стрельбу по танкам противника.

² Советские артиллеристы с флангов подбили немецкую бронетехнику.

³ Белый Спиридон Ефимович (1912–1994) – в сентябре 1943 г. – гвардии лейтенант, командир батареи 150-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса. За совершенные подвиги в сентябре 1943 г. на территории Запорожской области ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

⁴ Имеется в виду, что после войны группа ветеранов корпуса ездила в места тех сражений.

Где Вы воевали дальше?

А дальше вот что. Когда заняли [Малую Токмачку], там убило Григорьяна, второго номера пэтээра. Как раз эта Малая Токмачка – лощина большая такая, там бахча дальше была, когда подошли к посадке. И вот он за арбузом побежал. Увидел арбузы и как побежал, а с той стороны пулемет ударил и на смерть его. Я увидел эту точку, откуда [стрелял пулемет], ударил два раза с ПТР и, в общем, убил. Потом пошли мы дальше в наступление. Под Гуляйполем был большой бой. Там два или три дня бой шел. И мы как раз своим взводом, бойцы 11, 12-й дивизий там участвовали в боях. И когда там бой шел у Гуляйполя, мы находились в посадке с лошадьми. 39-й полк весь находился в посадке там. Когда самолеты показались, командир взвода наш сообразил сразу: «По коням! 6-й взвод – по коням, за мной!». Мы прыгнули на лошадей и под самолеты галопом помчались. Километра два так – село придорожное. Мы в это село влетаем, самолеты уже пролетели нас, бомбить начали посадку, там 39-го полка половину лошадей выбило. Там и сейчас, наверное, кости валяются, тех, которые тогда остались. Мы полностью, часа три–четыре были в этом поселке. Потом приказ: железная дорога идет, наша пехота, оказывается, пошла в наступление, перешла эту железную дорогу, а там чисто, ни одного деревца нет, ни одной ямки нет, ничего, голое чистое поле. А с той стороны посадка была, там танки стояли немецкие. Танки вырвались и подавили нашу пехоту. И мы как раз, не знаю, каким путем закрыть эту дыру, перелезли через железную дорогу, по над балкой идем, прошли. Прошли мы лощину, где пехота сбилась, человек 10–15 лежало, груди разорваны, это страшно смотреть, пулеметами–танками побили их. Прошли мы метров 100–200, отошли, наверное, дальше. Вот Володя подскакивает, второй номер мой, хватает меня за шею: «Леша, меня сейчас убьет!». Плачет, кричит: «Меня сейчас убьет! – Да я, Володя, не оторвусь от тебя!». Не могу ни оторваться, ничего. «Убьет, так двоих сразу. Так давай же разойдемся хоть немного!». Только кое-как до стенки чуть дальше отошел, падает снаряд. Действительно, его не убивает, а ранило в голову, а меня не тронуло.

Это он почувствовал, что его убьют?

Почувствовал, да. Меня обнял, за шею схватил и кричит: «Леша, меня убьет сейчас!» Чувство, такое у человека. Я только отошел от него, и действительно снаряд падает. Ну что? На палатку, и отвезли туда, отнесли в санчасть, внизу, в балке. И он в Донецке умер, нам сообщили. Потом, после захвата этого города Орехова в Запорожской области мы дошли до Запорожья. Развернулись под Запорожьем, и оно у нас осталось с правой стороны. Пошли вниз по Днепру, заняли город Алёшки¹. Там наш танк подбили они. С боями вели, не то, что просто заняли, потому что ему [противнику] некуда было деваться: ни переправ, ничего. Бомбили. Потом Херсон забрали, Каховку забрали, Цюрупинск забрали и Голую Пристань. Над Днепром вниз пошли, до самого моря дошли. В конце Голой Пристани, был большой-большой заповедник², там разные, как говорится, не [обычные] звери, а там и антилопы, разные дикие животные охранялись. Нам даже приказ был: как можно меньше стрелять там, чтобы не убили, чтобы туда не били снаряды, чтобы не били животных, сохранить животных. В Голой Пристани машины весь Днепр чуть не перегородили, гнали и гнали машины в воду, бросали там. Жуткое дело, что творилось. И потом под Каховкой, по-моему, под Каховкой, с этой стороны мы были. Наскочили мы под Каховкой или под Херсоном, разведка доложила, что левее нас идет целый обоз румын. Тут эскадрон развернули и прямо к этим румынам. Они не стреляли, ничего. В общем, целый обоз остановили. Говорит: «Мы не знаем, где солнце всходит, отсюда или отсюда. Куда нам бежать, мы не знаем. Едем, куда сами не знаем». Развернули их в село, которое мы освободили, направили туда, сопровождающего дали им, поехали они. Потом там тоже бронетранспортер подбил я, точно уже не помню, в каком месте. До Голой Пристани еще далеко было, здесь выше или в Каховке.

Потом, что интересно, село Ленинградское. Небольшое село, один колодец на весь поселок, и глубокий. Воду доставали верблюдом при немцах. Наши оставили верблюда. Верблюд доставал немцам воду, и немцы тоже не тронули верблюда. Почему это так? Так и остался верблюд. И мы качали, поили лошадей.

¹ Город районного значения в Херсонской области, в 1928–2016 гг. – Цюрупинск.

² Биосферный заповедник «Аскания-Нова» имени Ф.Э. Фальц-Фейна в Херсонской области. Во время нацистской оккупации был разорен и сожжен дотла.

Кто его кормил?

Было чем кормить. Там человек, который специально смотрел за ним. Это тоже интересно, мы удивлялись, почему верблюда оставили. Так он и нашим служил, и немцам служил, и обратно нашим служил. Потом, когда взяли Цюрупинск, Голую Пристань, отдохнули мы недели две, остановились в селе Ленинградском, наш эскадрон, а остальные по селам распределились. Пополнение пришло. Потом до Запорожья доехали, возле Запорожья переправа была, понтонный мост. По понтонному мосту перебрались на другую сторону Днепра. Тоже встретился я с сапогами этими, с командиром корпуса, т.е. дивизии. Стоит он в голубом комбинезоне, арапник¹ у него большой, подгонял: «Быстрее, быстрее доезжай! А, Шаповалов, гвардии казак! Ну как, в сапогах дойдешь до Берлина?». «Дойду, товарищ гвардии полковник!». Он такой, режет кнутом по лошади, по мне. «Быстрее давай!». И мы еще после этого встречались, когда перевал из Румынии в Венгрию переходили, там я еще встретился с ним, тоже это спрашивал, тоже кнутом ударил.

Запомнил.

Да, запомнил просто. После этого переехали мы на ту сторону, там большое село Пятихатки было. Там он [противник] как начал нас бомбить весь день. Где наши самолеты были, не знаю. Весь день дым стоял, не видно ни села, ничего. Потом мы вырвались из бомбежки, ночами двигались в Корсунь-Шевченковскую² группировку. Туда приехали как раз. Там 17 дней [немецкая группировка] пробыла, 10 дивизий и одну бригаду окружили. И там погода. Что самое мешало – это погода: то снег, то снег с дождем, то заморозки, в общем, жутко. Вот картину я же нарисовал [показывает на картину], по колению в грязи все шли. В общем, я 40 с лишним картин нарисовал, раздаю везде, по музеям, по школам... Брали села, сдавали села, в окружении зажимали. И, потом, по-моему, 14 [февраля 1944 г.] подошли к селу Валява. Село 10 км тянется с гаком, и гак еще 5 км, две церкви большие. Днем обошли его вокруг, по балкам и зашли с тыла, отсюда наши наступали. Уже вечером, когда началось темнеть, пошли в наступление на село, а немцы нас не ожидали с этой стороны. Кто в штанах выскакивал, в общем вот такое до полуночи шло. Потом как будто успокоилось. Утром, где церковь первая, они сделали оборону. Один пулемет крупнокалиберный на церкви на перекладинах установили. Потом здесь шли сарай, колхозные такие, соломой накрытые. Они солому разрыли, делали помосты там, и через эти отверстия видно все, все село видно. Мы левее церкви шли, командир взвода Посавченко подскакивает ко мне: «Мать-перемать! Ты что, не видишь, откуда пулемет бьет? Вон, с церкви!». А он перестал бить, я говорю: «Не вижу». [Командир взвода]: «Вот там, вот там!». Я говорю: «Пусть кто-нибудь из автоматчиков ударит из автомата, чтобы он отозвался». Он заставил, ударил по колокольне этой, он отозвался, я заметил, я сразу раз, вниз, вверх, боком-боком, 4 патрона сразу пустил. Я не заходил в церковь, ребята заходили, и пулемет лежит, и пулеметчик лежит. В это время прошли мы еще один сад, канаву, в канаве в этой расположились, и здесь метров так 50, ну, 100, не больше, сараи идут колхозные. И вот сарай, в этом месте разбита дверка, в этом месте разбита, в третьем, у второго сарая разбита. Видно дырки. Смотрю: затарахтел. Я прицелился на 100–200 м, тут без промаха ударил. Замолчал. Я сразу второй – замолчал, третий уже в бок пришлось. Три пулемета, четыре пулемета сразу снял за каких-то полчаса, ну, может за час, не больше.

Пошли мы дальше, это в Валяве особенно, мой бой был, ранило меня там. Сад прошли, огород, дом заняли, а дальше же еще поселок идет. Вошли в дом, когда Вася Шепелев из Азова выскочил из-за дома, его раз! По ногам ранило. Второй выскакивает, второго – раз! Я увидел с той стороны, через огороды дома, из окна бьет пулемет. Я в дом вошел – стол стоит. На стол ПТР поставил, окно выбил, прицелился в эту дырку, ударил. Ребята выскакивают – тишина, [никого] нет. Пришли туда – немец. Как раз я ему в лоб долбанул, это же все вынесло, куры еще трепещутся на полу, только оторванные головы. [Солдаты]: «Ах ты, старик, мать-перемать, кормить немца? – Да вин сказав, що отсюде никуде не пиде, мене заставил, що б я курей варив, да кормив его». Мы побыли немножко, побежали

¹ Длинный охотничий бич или кнут с пеньковым, волосяным или шелковым навоем на коротком кнутовище.

² Корсунь-Шевченковская наступательная операция войск 1-го и 2-го Украинских фронтов была проведена с 24 января по 17 февраля 1944 г.

дальше. К вечеру за село вышли, когда крик: «Де той хлопец? Де той хлопец?» А ребята знают же, быстро там распространяется: «Вот там, вот там!». Где я с ружьем стою, показывают. Приходит [старик], полная сумка, сапетка¹ такая, курей, ну, с десяток, а то и больше наварил, потроха все сварил. Приносит самую лучшую курицу, ребята же хватают. «Нет-нет, никому не дам, пока вин не возьмет самую лучшую курицу, никому не дам». Приносит мне и говорит: «Ось цю, ось цю бери!». Я взял, он раздал, такой у нас ужин был.

В Валяве я встретил товарища, вместе учились в школе, с одной деревни, Коля Лицевой, у него спирта баклажка, а у меня сала кусок в башлыке. Выпили по одной рюмочке. Потом зашли в один дом, запах такой – лук жаренный. Я говорю: «Это в печке!» Открываю печку, целая сковорода лука нажаренного. Мы, значит, поели. Когда хозяин заходит, говорит: «А я вижу, вы бежите, ну нечем угостить вас, лука целый мешок у меня, так я быстро нарезал его, маслом залил и поставил в печку». Лук помню хорошо.

Что было потом?

Ну а потом, после Корсунь-Шевченковской группировки, наверное, с неделю-две, там любовь позаводили. Я тоже с одной Мотей там встретился.

С местными сельчанками или с Вами служили?

Нет, там, хозяйская. Сидим, самогон. Мы же – сколько у нас барахла, немецкие одеяла отдали хозяину, а нам – чтобы был самогон. Две бочки у него самогона, варит. Он нам самогона. Мы на второй день, по-моему, или на третий, сидим, выпиваем. Мотя приходит, дочка, тоже 1925 г., ну, девка нормальная. Помкомвзвод сидит: «Леша, ты и Мотя, вы же молодые, пошли бы, что-нибудь и сообразили там или что-то!» Я говорю: «Да я же не знаю, какая у нее дума». [Мотя]: «Тьфу, какая у тебе, такая и у мене». Все, мы вечером пошли, там кладовка и конопля сложена. Вот на этой конопле встречались вечерами. Уже лошадей поседлали, а мы раньше с ней ушли туда. Там окоп, в окопе постели поделали, и туда – в окоп. Уже взвод вышел, построился эскадрон, я с ней все топчусь, командир взвода держит лошадь мою, матом кричит кто-то... Я выскакиваю туда, он на меня матом, я заскочил в комнату, шинель набросил. [Мотя]: «Да приезжай!». Я говорю: «Да приеду, куда я денусь?». Выскочил я, и прямо вот так толчок сделал, и на лошадь залетел без стремян, без ничего, напряжение такое было. Лошадь разворачивается, я еще повода не успел взять, и через забор прыгнула. Тут же наш взвод, и раз, стала на свое место, как вкопанная, стоит. Он приезжает, кулаком на меня.

А потом переписывались с ней?

Нет, так это. А потом в северную часть Молдавии и Западная Украина, туда пока добрались, погоды такие. Уже на лошадях не ехали. Кормить нечем, лошади уже устали все, ни поить, вот только на поводу. В Молдавии, в Румынии, Кукурузяне село, Малаеши там, села забрали, потом город Оргеев² забрали. Кишинев не брали мы, а город Оргеев тоже так. Речка там, Реут называется, широкая, но такая вот небольшая. Там равнина и обрывистый берег, как вымыло. Через мост проходили, он заминированный был, взорвалось, и помкомвзвода ранило там. Потом перешли мост, с правой стороны дом, ворота закрыты. Открываем дверь – танк стоит немецкий, и шофера стоят, танкисты, три человека, подняли руки: «Мы танк целый привели, мы не хотим воевать!» Ну, там поговорили: «Идите». Они в комнату пошли, мы пойдем дальше. Прошли село, речка так идет, и тут речка, обратно встречается, а на той стороне мельница стоит, двухэтажная. Оттуда подпирают партизаны. Как раз мы дошли до нее и остановились. Партизаны идут отсюда, а мы отсюда [с другой стороны]... Когда замполит полка прибегает: «Вот ребята, кто выскочит и закричит: “За Сталина, за то, за другое!”, орден Красного Знамени получает!». Вася подходит, цыган: «Товарищ капитан! – Беги, мы тебе оба ордена отдадим! Сейчас партизаны оттуда идут». И действительно, через полчаса пришли партизаны. Они выскочили из этого дома, а так мог бы погибнуть или что-то, но Вася не стал. Васю забрали куда-то. Потом в Кукурузяни, в Молдавии, ездили мы в 1989 г. туда, в Оргеев, встречали нас хорошо. Вообще везде хорошо встречали.

Помнили Вас? Ваш корпус?

Ну а как же? Где освобождали, там нам и ленты [праздничные] подцепляли.

¹ Плетеная корзина с двумя ручками.

² В настоящее время город и муниципий в Молдавии, центр Оргеевского района.

После Молдавии куда пошли?

После Молдавии пошли в Румынию, переправились через реку Прут с той стороны Румынии. Легко мы шли, я бы сказал, по сравнению с тем, что на Украине бои были, в Корсунь-Шевченковском, там больше они убегали и многие сдавались. Яско-Кишиневская группировка быстро закончилась, дня 4–5. Громадина такой, город большой [Дебрецен]. Под Дебреценом в Румынии был большой бой. Город Дебрецен – промышленный город. Тоже шли сначала, как на прогулке, как говорится, села пробежали, боев не было. А до Дебрецена доехали, наша 11-я дивизия зашла в тыл к нему, а 12-я с этой стороны и 150-й противотанковый полк. Мы с пэтэрами, нас два расчета. Лейтенант завел сюда, говорит: «Отсюда ожидаются танки, вы, в общем, прикрываете артиллерию!» Ну а потом, ожидали, когда дальнобойные снаряды впереди упали, 5 снарядов. Потом самолеты пролетели, пробомбили это место. Танки ожидали отсюда, а они отсюда [с другой стороны] пошли. Пока развернули артиллерию, успели. И смотрим, а я еще левой был, с пэтэром стояли, домик там был, возле домика, а погода грязная такая, низина, грязь. Потом, когда бой начался, артиллеристы рядом были, мы там, эскадрон расположился. Там Ваня у нас был – сын полка, и Маша санинструктором была. Санинструктор с Ваней, все время с ней располагался, везде. Она как раз артиллеристом была. Вот вырыли окоп, они там находились. Выходит танк, движется, командир батареи дает огонь, кричит: «Огонь!». Танк в это время бьет. Танк попадает в пушку, перевернул и двоих убил. Кричат: «Санинструкторы!». Она как выглянула, что пушка перевернутая, значит ребята побитые там. Побежала туда. Действительно, два убитых и этот наводчик. Все лицо, все срезало, нет лица, и он еле дышит, просит: «Маша, убей меня, пристрели меня! Зачем я кому-то нужен?» Сам полез, знает, что у нее пистолет есть. Она убрала руку и потом перевязывала их. В общем, 4 танка, по-моему, или 5 танков подбили наши. После этого боя наши танки уже подошли. В общем, большой бой был танковый.

А он живой остался?

Ну, живой... Умер, наверное. Она перевязала, завязала, в госпиталь отправили, живой был.

И дальше тяжелый танковый бой был?

Когда пришли наши танки, он [противник] ушел, отступили, осталось 4 или 5 танков, наши подбили [под Дебреценом] и один наш.

Потом в Венгрии наступали или все еще в Румынии?

Нет, и Венгрию прошли, это в Румынии мы были, когда город Роман заняли, потом ущелье пошло там. Поэтому мы ушли на километра 4 или 5, шли по этому ущелью. Потом проезжал командир корпуса или командир дивизии. По этому ущелью проехали, а их обстреляли немцы с высоты. Он подбежал, командир, а наш командир эскадрона Кравченко – ростовчанин, как раз под горою стояли там. Мы расположились то там, то там, где могли, а они, мат-перемат: «У тебя над головою немцы сидят, а ты здесь спрятался! Немедленно выбить! Сейчас же мне!». И то наш взвод подняли, а 1600 м высота горы. Пока туда долезли до верха, я с пэтэром на плече, вылезли вперед наши, солдаты пошли, у кого автоматы. Они прошли, постреляли, а с этой стороны несколько елок молодых стоит, мой второй [номер] вперед побежал, когда раз из автомата отсюда ударили, и его в ногу разрывной пулей. В общем, разорвало ногу. Он упал, кругом крутится, кричит: «Леша, убей! Леша, не бросай! Леша убей!» И этот оказался, я увидел, откуда он выстрелил. Думаю, сейчас с автоматом выйдет и меня, я тогда ПТР наставил на глаз и держу. Только он оказался, я его только – раз! Видно, прямо в живот и дугой, как стоял, только раз согнулся, так и стоит, потом упал. Я потом к Мише подскочил, ребята подошли, спустили его с горы.

Миша, это второй номер? Друг Ваш?

Да, вместе, я первый, он второй, он носил сумку с патронами, азербайджанец, с Берикея, из Дагестана. Я к нему ездил, ему ногу отрезали, машину дали ему. Я учился как раз в техникуме пищевом в Таганроге и во время сессии зимой ездил туда к нему.

Его эвакуировали после ранения?

Нет, он в госпитале был, а с госпиталя [домой отправили], он жил в Дагестане. Без ноги – домой. Тогда ездили друг к другу, жили как-то иначе.

Теперь, наверное, умер?

Сейчас уже умер, года три как умер. Дальше город Ньиредьхаза¹, заняли мы за два дня. Там побыли, и лошадь я свою перековал. Ко мне подскочили: «Немедленно выезжай, уходим из Ньиредьхазы!» А Ньиредьхаза – это нефтяной город, нефть, он [противник] бросил [войска] из-под Берлина даже, снял танковые части, пустил сюда под Ньиредьхазу и нас тут окружили. В общем, окружили так, как и мы его окружили. С ним дрались, и он тоже нас замкнул, получилось кольцо в кольце. Потом, когда мы уже отходили, я лошадь подковал. Сел, никого нигде нет, помчался назад, откуда мы шли. Пролетел километра 3-4, когда на перекрестке наша пушка стоит, я остановился, [солдат] говорит: «Проезжай, проехали туда эскадроны». Я-то за ними не проехал, подъехали так, говорит: «А мы три бронетранспортера мимо [пропустили]». Это до меня. В общем, они остались там, обеспеченно себя вели все время. Особенно таких боев не было, они спокойно возле орудия сидели и в это время три бронетранспортера: один пролетел, второй пролетел, третий пролетел. К третьему они только успели пушку развернуть, и третий подбили бронетранспортер. Поехали. Я тоже поехал вслед туда же к нашим.

Надо было прорываться. Приехал, говорю: «Так и так, бронетранспортер! – Нет, вот туда!» Фазенда стояла, хозяйство какое-то, там дома были, сараи, а они [эскадроны] туда повернули, доехали до наших. Потом я рассказал им, что так и так, наши отступают. Взял свой ПТР и пошел. Думаю: мост там сеть. Возле моста, недалеко от своих, от обоза пошел, еще не дошел, когда командир эскадрона наш капитан Прокопец, боевой парень, старший лейтенант, летчиком был, подбили его, он упал до казаков², в казаках так и остался. Так вот, я с пэтээрром как раз, он меня догнал: «Куда ты?» Я говорю: «Да поставлю. Два бронетранспортера проскочило». В ответ: «Вот сюда!». В общем, отвел меня метров на 40, а там села, окруженные растительными каналами, метра три шириной и по шею глубиной. Я говорю: «Да я обойду». А он: «Нет, давай!» Мат-перемат. За наган хватался: «Я тебе приказал здесь!». Ну, думаю, ладно. Перешел через воду, по шею в воде. ПТР поставил, перешагнул, минут 10–15 я полежал. Думаю: выйдете сейчас. Должны они выйти. Смотрю: один выходит бронетранспортер. Сижу, наблюдаю. Пошел, метров на 100 отошел, остановился, постоял. Второй выходит, дошел до него, остановился. Этот выходит еще 100 м дальше. Ну, думаю, дальше отходите, чтобы назад не успели спрятаться. Постоял-постоял и этот выходит. Отошли от здания этого, от подворья. Я тогда думаю: первый не успеет уйти, второй надо подбить. Выпустил один патрон в него, этот задрожал, второй так в него выпустил. Смотрю: двигается назад. Я тогда в первого два выпустил. Я еще потом по 2 патрона или по 3, не знаю, по 4 в каждый, чтобы уже глухо был наверняка.

Потом назад же перелазил обратно, через воду. Иду, когда командир полка спрашивает у командира эскадрона: «Где Шаповалов? Где Шаповалов?» Я подхожу, говорю: «Гвардии товарищ майор, разрешите обратиться к командиру эскадрона? – Пожалуйста. – Гвардии, старший лейтенант, оба бронетранспортера я подбил». Тогда стали отходить. Выходили из окружения, у меня Васька – хороший конек был. Мокрицы у него уже до костей, боли такие лошадиные Я уже и смазывал, ничего не помогает. Я зашел, когда один выезжает со двора и говорит: «Где ты лошадь взял? Да вон еще две стоит у мадьяра». Я заехал, свою расседлал. Перекинул седло на кобылицу, серая такая. Посмотрел: стройная, хорошая. Выезжаю со двора, хозяин выскакивает: «А-ля-ля-ля!» Что-то кричит ей. Стала, никуда не идет, не могу ничего сделать ей. Я понял, что он кричит, чтобы не ехала она, не выходила. Я тогда заругался, саблю как выхватываю: «Ах ты, паразит!». Жена подскочила, схватила мужа, потянула в комнату, а я поехал. Боялась, строевые же идут, уже в строю, а эта – вода, она обходит. Помучился с ней³. Потом село проезжаем, командир взвода говорит: «Ты езжай по этой стороне села, одна дорога, а мы прямо, вот там тогда соединимся за селом». Ну, я еду, проезжаю до половины села, только, пуля – тюф у меня над головой. Мадьяр какой-то стрельнул. И друг подскакивает, он в 39-м полку был, Вася Маринченко: «Поедем с нами?». Я говорю: «У меня приказ такой – обойти село». То село объехал – никого, ни наших, ни их, никого нет. Я разворачиваюсь, мы сюда к лесу едем.

¹ Город на северо-востоке Венгрии.

² После катапультирования приземлился в расположение казачьих кавалерийских частей.

³ В конном строю новая лошадь долго не подчинялась А.И. Шаповалову, обходила водные преграды.

Разворачиваюсь к лесу, подъезжаю: переправа небольшая... Два «мессера» пикируют. Видно, что у них уже ничего нет [из вооружения], а просто пугают. Я отскакиваю от них, разворачиваюсь, вот так, дугой и пускаю прямо на канал, а за каналом лес сразу. Добегаю сюда, думаю, ну хоть по воздуху перелечу, черт с ним, перепрыгнет, не перепрыгнет, а там наши идут. Так она как дала, как стрелой перелетела через [канал], я ее прижал шпорами. Перелетел, приезжаю, а как раз наши шли, наш взвод шел.

Три или четыре дня не спал, уже сил нет сидеть на лошади. А у Вани убило лошадь, он сидит на подводе, я говорю: «Садись на мою лошадь, дай хоть минут пять, десять, передохну, я уже не могу сидеть на ней, не то, что [скакать]». И ругаемся, когда вдруг командир подъехал: «Что такое, в чем дело?». Я говорю: «Та дай хоть пять минут перележу, я уже не могу на лошади сидеть». Он приказал ему. Он сел на лошадь, я на подводу лег, но не знаю, недолго ехал, меня ездовой Фенько будит: «Леша, нас отрезали!» Я тогда вскакиваю, сразу сон прошел. Едет подводный, привязанная лошадь сзади, я вскакиваю к этой подводе, раз, поводья перерезал финкой, на лошадь бросил. Связал поводья и вперед. Выезжаем с поместья, их танк стоит. Озеро небольшое такое и с той стороны танк стоит. Командир – капитан один, потом старшина там, человека четыре их собралось, я пятый – рядовой, у меня ничего нет, одна граната была в кармане, ни автомата, ничего. Бросаю, отпускаю подпрути. Перейдем, посадка недалеко, в эту посадку, чтобы танк обойти и уйти. Когда бежим по посадке, смотрим, отсюда немцы выходят, сюда к танку видимо идут. Мы разбежались, и я в кукурузное поле. Примерно 100 га пробегаем, смотрим: другой танк стоит с этой стороны посадки. Вечером ребята туда пошли, а я сюда пошел, левее. Смотрю, капитан бежит мне навстречу с наганом: «Давай, чтобы не расставаться, чтобы вместе были?».

Ночь прошла, мы ночью шли как будто далеко, по кукурузе. Уже видно стало, зачerkотали там и там. Большой выкопанный окоп пустой был, остановились мы в этом окопе, а вечером посмотрим, куда идти. Лежим, когда немцы за чертой. Это второй танк, который стоял. Наш танк заметил его, и на рассвете прямой наводкой прямо в этот танк. На вторую ночь я один остался, обратно разбежались. Из посадки выхожу, вылезаю, смотрю, немцы идут, я назад в кукурузу. Идет раненый наш: «Ой, убей меня, или что-нибудь!» Я говорю: «Давай, садись, немцы идут, прикрою немного, бурьян положу. Садись!» Ну, сел. Слышу: проходят. Его или меня, может быть, заметили. Я выглядывал, надо мной разрывные пули трещат. Я, как заяц, да и зайцы так не бегают, как я, как врезал по этой посадке, по кукурузе. А там дорога идет шоссейная. Я до дороги добегаю, танк стоит и натягивает гусеницу, на танке гусеницу перебили. Ну, широкая [дорога]. Наверное, как до стенки, шоссе. Я за два удара перелетел, толкнулся, еще раз толкнулся и перелетел его. Выбегаю из кукурузы – заблестело. Смотрю: миномет стоит небольшой, и никого нет возле миномета. Тогда я поднялся. Смотрю: танк стоит в стороне с правой стороны, и на танк вылез немец и смотрит по кукурузе. Я гранату зарядил. Думаю: если только наскочу на них, взорвусь возле них. Такая мысль была. Я тогда отскочил, гранату обратно закрыл.

Бегу обратно, мимо этого же танка, два раза тукнул, перелетел и прибежал. Думаю, на то место, откуда они выгнали меня, туда не пойдут. Обратно на то место, откуда выгнали меня. Не было уже того раненого. Посмотрел вокруг, пошел, думаю: где-то же остался. Куда он делся, не знаю. Или, может, забрали его, увидели, или куда пошел. Ну а вечером мы встретились с капитаном и решили вместе. Никуда, ничего, в этом окопе еще была вторая или третья ночь. Я же сапоги первый раз бросил, они большие на меня были. Сбросил, без сапог. Уже ноги начинали пухнуть. Идем, наш убитый лежит, пехотинец, в сапогах или в ботинках. [Капитан]: «Снимай ботинки!». Я говорю: «Не могу. Как я могу снимать ботинки? – Снимай, я тебе приказываю! Снимай! Ты не сможешь ходить!» Я снял, одел, как раз на меня. В этих ботинках и бегал. На третью или четвертую ночь жрать же ничего нет. Под лесом шоссейная дорога, и все время с города [немцы] выводили свои войска. Мы хотели прорваться в лес. Пошли к лесу, прорвались, ночью прекратилось движение. Прошли, лужа большая, а воды мы не пили два или три дня. Легли, напились воды, пошли. Он как снял фуражку казачью, положил [у лужи] и пошел. Отошли, наверное, метров 50, а фуражки нет. Он: «Пойдем!». Я говорю: «Да зачем она тебе нужна?». Он: «Нет-нет, без фуражки нет, что ты!» Вернулись, фуражку взяли.

Потом по шоссейной дороге идем, озеро большое с этой стороны и мельница стоит, водяная такая, и куры там кокачут. Он отдал мне наган: «Ты стой, а я, может, курицу

поймаю, ты следи!» Живое мясо есть. Пошел, лазил-лазил, курей разогнал, вышел: «Да нет, не поймал». Идем, я по-над озером иду, а он поверху идет. Иду, камень какой-то такой. Я ногой толкнул: мягкий. Поднимаю – булка хлеба, как кто-то нам подбросил. Откуда она взялась, почему там очутилась? Я говорю: «Капитан!». Он: «Что?». Я говорю: «Хлеб!». Он: «Какой хлеб?». Я говорю: «Хлеб поднял, нашел». Он пришел, отрезал мне кусок, себе кусок, съели мы потихоньку, а еще голодные. Он смотрит: «Ну что, еще?». Говорю: «Давай еще!» Он: «Только не спеши, разжевывай хорошо!» Еще откусили и обошли озеро, поселок там большой. Зашли мы во двор один, я на улице стою, он в комнату вошел, никого нет, ничего не нашел. А нет, баллон огурцов соленых. Открыли банку, по огурцу съели, много не съешь. Идем, прошли уже село. Смотрим – огонек. В окно [постучали], зашли к мадьяру, спросили, говорит: «Нет, немцев не было». Я говорю: «Они там были?» Говорит: «Там были, а в селе немцев нет, у нас не было». Собирается ужинать со своей семьей, и мы садимся, еще по стакану вина выпили. Он: «Ну, пойдем, где-нибудь в сарае [поспим]». Думаю: пойдешь в сарай или куда, он пойдет, куда-нибудь заявит и немцы зайдут, то и мы проснемся. В общем, я как упал, и сразу заснул. Утром он меня будит: «Вставай, хватит тебе храпеть!». Встали, пообедали с ним вместе, и пошли назад из села. Разведка наша идет, мы им рассказали, что в селе никого нет. Они: «Ну, мы пойдем, проверим». Окружение такое было.

Потом с капитаном пришли в это селение, встретили там казака, говорит: «37-й полк сюда, по этой улице, а 39-й сюда». Мы-то с ним и разошлись, не записал ни фамилии, ничего. Интересно было бы, как говорится, после войны встретиться. Пришел оборванный весь, грязный. Скинули, спалили, дали новую казачью форму, папаху дали казачью. Он распространил везде листовки о том, что уничтожил два корпуса, 4-й и 5-й корпус полностью уничтожены. Наверное, дня три или четыре мы побыли там. Пока собрались и всех переодели в форму, и под город Мишкольц.

Доезжаем до города Мишкольца, немцы обстреляли нас минами и нашу лошадь одну убивает на подводе. На одной дотянули до утра, остановились в лесу. Командир взвода, молодой еще парень, новый, выставил нас: «Шаповалов, два шага вперед!» Я вышел, думаю: ничего, вины никакой. Командир: «Ребята идут под Мишкольц на передовую, а ты – чтобы вечером лошадь стояла в подводе запряженная». Я говорю: «А как же я украду? Это украсть надо только?» Командир: «Не знаю где, что, как, но чтобы лошадь стояла!» Ну, ушли они, я один остался. Сидел-сидел, думал-думал. Ну, где? Если бы село было, у мадьяров, где взять или что, а так каждый коновод держит своих лошадей, три лошади у каждого коновода. Как же украдешь? Ну, думаю, пойду на передовую, может бой будет или что там. Пришел, хозяйство большое и там как раз наш штаб корпуса расположился. Стоит фаэтон¹ и две лошади там, сбруя на них и запряжены. Я подошел, у фаэтона заместитель [командира] корпуса подполковник Доценко, а я Доценко знаю, коноводы же выводки делали. Ну, думаю, эти спать любят, можно украсть. И вот я с ним разговаривал, пошел, говорю: «Кто же держит лошадей в запряжке? Что же вы? Леня вам?» Распряг, взял в сторонке, снял, зачалил под хвост одной и второй, нагрудники им снял. Полностью распряг, сено подгорнул, они только смотрят. Рассказываю: «Мой брат в школе бросил учиться из-за лошадей, готовил лошадей для Красной армии. Табуны же были в каждом колхозе, в степи заарканят лошадь, он садится, ни уздечки, ничего не надо и пускает в поле. Он целый день ездит на ней и приезжает с уже обученной лошадью, только пошлепает, чтобы повернулась». Они все удивлялись. Потом один ушел и второй ушел часов в 11 ночи. Ну, думаю надо, все храпят. Потом подъезжаю, привязал и поводком до своей лошади, поехал и этих потянул за собой. Никто не тронул меня, ничего, один там что-то зашипел: «Повел поить лошадей». Уже доезжаю до леса, немножко осталось, в это время подвода проехала мимо меня по шоссе-ной дороге. И, слышу там шум, уже шумят, кричат, я тогда быстрей-быстрей, ну, метров 10–15. Я только заехал в лес, оно же ночью, не видно ничего, слышу, они подъезжают. Один говорит: «Да вон подвода поехала, его ожидала, наверное». Догнали эту подводу, слышу мат там, кричат! Я дальше-дальше, метров 100, наверное. Вот так зашел в лес с лошадьми. Они приехали сюда, выскочили на дорогу: «Да вот туда! Да нет, туда!». Поехали в обратную сторону, на лошадях помчались. Я приехал, потом повернул параллельно шоссе-ной дороге. Проехал еще метров 200, наверное, думаю, где-то наши

¹ Легкий четырехколесный рессорный экипаж.

здесь стоят, и как раз проехал свой взвод. Запрягли сразу эту и другую лошадь в подводу, даже не видел, куда дели. Смотрю, тот едет на лошади, с которым я разговаривал: «Где лошадь? А, вот она, запряжена уже. – Я тебя!». С автоматом разворачивается. Ребята схватили тоже автоматы: «Уходи, пока целый! Уезжай, чтобы тебя не видеть!» И так я больше не видел.

Потом, уже в 1985 г., по-моему, 40 лет [Победы] было или раньше. Как раз сборы были в Ростове. И вот, командир корпуса генерал-лейтенант Горшков¹ с нами был. Так стояли, рассказывали за цыгана, что цыган украл у короля лошадей, а один говорит: «А у меня в корпусе украли у подполковника Доценко, так мы и не нашли». А Ваня Михайлюк стоит, меня за шею берет: «Товарищ гвардии генерал-лейтенант, вот вор, вот он украл!». В ответ: «Как он?» Ваня Михайлюк: «Да так, Шаповалов украл лошадей! – Не может быть!». Ваня Михайлюк: «Я Вам точно рассказал!» Говорит мне: «Украл?» Я говорю: «Да, украл – А ну, расскажи, как?». А я ему говорю: «А десять суток не дадите?». Он: «Нет-нет, расскажи». Я рассказал это ему все. Говорит: «Вот молодец, чтобы пеший не ходил, нашел себе».

Горшков нормально вел себя с солдатами, с рядовыми?

Да мы же его не видели. В корпусе 30 тысяч людей, куда там! Так, на выводках видел, знали его многие, вот и я знал его, как говорится, видел несколько раз. Даже чуть не признался, в Фокшанах² я лежал в госпитале. И наши как раз посадку делали в Фокшанах, в наши вагоны. И там я встретился с казаком в городе. Он говорит: «Да 3 км отсюда в селе 37-й полк стоит». Я прибежал, заведующей, забыл уже как звать, там же все знали друг друга. Рассказала она мне, раз-два, справки выписала, из госпиталя выписала, отдала, я побежал в свой полк, свой взвод.

Это какие уже бои были? В конце?

Да, я хотел сказать, и там же как раз вечерняя поверка. Лошадей ведешь: гвардии казак такой-то, лошадь такая-то и дальше, выводка. И он же тут стоял, смотрел, и я за малым не пришел, ему не сказал: «Товарищ гвардии подполковник, я лошадей у Вас украл». Хотелось сказать, как прохожу мимо, каждый вечер была эта поверка. Как прохожу, так и останавливаюсь. Потом иду, побоялся все же. А в Фокшанах в госпитале лежал, там вокруг восемь или сколько лагерей военнопленных было. Туда привозили немцев своими вагонами. У них узкоуличная дорога, у нас шире дорога³. Разрешалось им везти с собой, целые палатки везли, концы стягивали, разного барахла понабирали себе. А здесь их выстраивали, все отбирали, оставляли только запасное белое белье, обмундирование и все, а то все забирали. А мы в одних, как говорится, кальсонах, в одних рубашках с госпиталя выходим. Там был магазин, набираем: то колбасы берем, то сало берем, то курить берем папиросы.

Покупали?

Покупали в магазине, у себя, а сюда приносили, меняли: костюмы там, отрезать [материю], сапоги, кожаные вещи – все, что у них было. А здесь выходим, посадка. Евреи румынские сидят, и продаем им уже дороже. Вот так у нас каждый раз 30–40 тысяч лей⁴ собиралось. И заходим, рестораны знали уже. Зайдешь, закрыли за тобой, что надо поставят выпить и закусить. Надо еще? Постучал, еще принесут. Не надо? Значит рассчитался. Кольца – у меня колец десять было, наверное.

Золотых?

Ну да, тоже меняли, также за колбасу, за все. Придешь, в ресторане посидел, кольцо снял, положил.

Кольца с убитых немцев?

Немцы же снимали у наших женщин. По одному, не по десятку, это десяток собрался. Часы Докса⁵ выменял, на платиновой основе. Евреи узнали, увидели у меня, мы же ходим по

¹ Горшков Сергей Ильич (1902–1993) – советский военачальник, генерал-лейтенант (1944). В мае 1944 г. был назначен на должность командира 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса.

² В настоящее время город в Румынии, в регионе Молдова, административный центр жудеца Вранча.

³ Железнодорожная колея в странах Западной Европы 1435 мм, в СССР – 1520 мм.

⁴ Денежная единица в Румынии.

⁵ Название марки швейцарских часов, производство которых было основано в 1889 г.

городу, увидели часы: «Продай!». Я говорю: «Нет!» Домой думал поехать в них. Как только выйду в город, а они, как ожидают. Володя со мной, товарищ хороший, говорит: «Продай, Леша, или отдай, они все равно или убьют тебя, или все равно заберут. Заберут все равно часы у тебя, продай их, да купи себе что-нибудь». Ну, идем, они подсказывают, два или три человека, уже знали меня: «Леша, ну продай, мы тебе хорошие деньги заплатим». Этот говорит: «Продай!». Я говорю: «170 тысяч!». Он выхватывает деньги, я говорю: «Нет!». Пошел, прошел метров 30–40, догоняет: «Ну продай, ну скажи, сколько скажешь? Мы тебе столько». Я говорю: «270 тысяч!». Выхватывают 270 тысяч, отдает мне, я отдаю им часы. Идем, магазины частные же там, сапоги хромовые такие, а у меня рабочие такие разбитые, солдатские. Володя: «Пойдем, сапоги купим!» Зашли, 55 тысяч за сапоги сразу отдал. Надел сапоги, те ему оставил. Фуражку купил казачью.

Казачью фуражку тоже там продавали?

Все, костюмы там, все что хочешь, делали. Лампасы пришил.

Там сразу пришили?

Нет, отдал, они сейчас же пришили, заплатил, копейки были.

Галифе синие были?

Ну, темные штаны и лампасы.

А гимнастерка общевойсковая зеленая или казачья была?

Китель тоже зеленый, т.е. синий такой.

Казачий?

Казачий, да. В общем, оделся полностью там. А потом, в этот же вечер, мы посидели, выпили с Володей, зашли, обмыли. И часов в 10 вечера или в 11 доходим до госпиталя. Лорка выходит и шеф-повар, уже знали друг друга. Спрашивает: «А ты где был?». Говорю: «Да вот сапоги купил себе». Он ходит кругом: «Ой, да вон же дырка. Как ты не видел? Как ты их взял? Они порванные». А я дурак еще был, пацан, кручусь: «Да нет, да что ты!» А потом дошло до меня, что обмыть же надо их. Я говорю: «Ну, пойдем!» Мы поворачиваемся. Пришли, стукнули, он открыл нам, уже 4 человека. Посидели, выпили. Пришел домой. Женя – ростовчанка, сестра, которая там дежурила, уложила спать меня. Часа в 4 или 5 прибежала, меня схватила, целует, кричит, я ничего не пойму, сонный: «Что такое?». Кричит: «Кончилась война! Война кончилась!» Я схватился, там внизу девчата жили отдельно. Зина, которая у меня была, прибежали туда все, тоже обнимаемся, все целуемся, плачем, не поймешь, что такое. Потом, ну что ж, надо обмыть. Канистра у нас была. С ложкой в подвал к кладовщику. Он нам налил канистру вина, там полно же было. Это ж мало будет? Возили по нашей шоссейной дороге в Будапешт вино бочками, на большой машине, 5 или 4 бочки стоит, полных вина. Мы уже пользовались этим. Вышел, он едет: «О, конец войны!» Он приостановил машину, там мы на ходу сели, я прыгнул туда, шланг специальный у нас был, туда-сюда это, пробку вытащил, шланг, в кастрюлю налил еще туда, закрыл, застучал. Он остановился, вылез, я принес еще канистру и мы весь день там чертовались¹.

Отмечали день Победы?

Да, день Победы отмечали. В Фокшанах.

А потом?

Потом в свой полк сел и уехал.

На родину или еще дослуживали?

Нет, после этого еще долго мы там были. Примерно уже в сентябре наш полк погрузился, он своим ходом ехал до Фокшан. Из Австрии, считай, из Балатона, оттуда, из Венгрии. А здесь в наши вагоны погрузились, уже поездом приехали в Каменск. Часть осталась в Новочеркасске, а мы в Каменске стояли. Приехали, там двух-, трех- или четырехэтажные дома. Раньше там стояли солдаты, окна побиты. День-два мы занимались, стеклили, где есть возможность, забивали фанерой, в общем, заделывали окна там. Потом матрасы делали, привезли соломы, все поделали. Потом выставили эскадрон. Командир эскадрона старший лейтенант Прокопец говорит: «Ну, кто работал каменщиком или с каменщиком или кто что делал, связанного с этой работой, давайте, выходите ребята, будем строить конюшни! Лошадей надо укрыть! Ну, кто?» Молодежь, стариков всех

¹ Бранились, поминая черта.

отпустили, сразу так, а молодежь одна осталась. Я говорю: «Когда отца забрали, я хату строил с мамкой». Он: «Как? О, главный каменщик. Давай, выходи!». И ко мне еще 10 человек. И так я главным каменщиком стал, руководил там. С нами старший был, мастер, показывает, рассказывает, как и что ребятам, кто замес делает. И мы построили конюшни к зиме, а сейчас там танки стоят в этих конюшнях.

Сейчас?

Ну да.

Воинская часть теперь там?

Может и воинская часть, как у нас в Новочеркасске танки стоят, а откуда, чьи они, никто не знает. Так и там тоже заполнили конюшни, а лошадей всех по колхозам раздали.

Парад был, когда на Родину вернулись? 5-й Донской корпус парадом же проходил в Новочеркасске и в Ростове. Вы участвовали в этом?

Это свои, полковые парады были. Были-были.

Офицеры в основном участвовали?

Я знамя вез, тоже участвовал.

А где, в Ростове?

В Каменске. Меня в Каменске [оставили], старики же были в комендантских взводах, знамя охраняли. Меня вызвали: «Старый казак, старый казак!» Пацаном попал, как говорится, все время пробыл. [Командир] говорит: «Вот, давай! Вот тут и тут». В общем, 4 человека или 5 человек, я шестой или седьмой, даже не знаю. Три сестры жили там в Каменске. И вот они, значит, передали этих сестер. Я с одной, Шурой там тоже долго встречался, и две [другие сестры] там еще были, ходили ребята [с ними]. И вот один раз, задержался немного, пошел, там палатка у нас была. В палатке находились, еще тепло было. Иду к штабу, знамя охраняли же, один оставался и спал там. Иду к знамени отсюда, а отсюда [с другой стороны] идет командир полка и вот, кто вперед вскочит в двери, я вижу, что я ближе, потом там [у входа] доска отодвигалась. Я только раз, отодвинул, туда нырнул. Проход к этому зданию был сквозной, и тут со знаменем стояли, подскакиваю. Уже и забыл, как его звать, Василий что ли: «Вася, быстрее убегай! Командир полка идет, он меня, видно, заметил». Он убежал, я стал под знамя и стою. Заходит командир полка, он же не имеет права удалить или что-то [применить]. Я стою, он прошел туда-сюда, посмотрел на меня, ничего не сказал, пошел к себе в кабинет, все в порядке. Потом, на второй день говорит: «Шаповалов, зайди ко мне». Я зашел к нему: «Слушаю!» Он говорит: «Скажи, только честно, я наказывать не буду, ты был вчера или нет?» Отвечаю: «Я, товарищ подполковник!» Говорит: «Молодец! Обошел даже меня!»

На фронте все время были в казачьей форме?

В казачью форму редко кто был одет.

В основном была полевая, зеленая?

Вообще, зеленая.

Папахи были или фуражки?

Папахи были, когда, после Ньиредьхазы дали. Одели в новую казачью форму, а до этого была солдатская, обыкновенная.

Вы говорили, что башлык носили. Башлык был у Вас?

Это уже когда были шинели, башлыки давали. Разного цвета башлыки были. Папахи носили, фуражек не носили. Были у ребят, давали раньше, первых одевали в казачью форму, кто остался живой.

Кубанки носили?

Кубанки – нет, это 4-й Кубанский корпус. Тот в форме был в этой, а нас не особенно в казачью.

А как судьба отца сложилась? Вы говорили, он в 12-й дивизии был.

11-я дивизия формировалась в Михайловке¹ в Сталинградской области, а 12-я дивизия – в Ростовской области, в Сальске. А те, которых брали, как брали, объявили, когда был митинг в Куберле в клубе на второй или на третий день, объявили, что до 40 [лет]

¹ Ныне город Михайловка в Волгоградской области. Летом 1941 г. здесь началось формирование 15-й Донской казачьей кавалерийской дивизии, которая 27 августа 1942 г. была переименована в 11-ю гвардейскую Донскую казачью кавалерийскую дивизию.

мобилизация. Отец даже не знал, сколько ему лет. В общем, машина подъезжает, собирает, мы-то с отцом попрощались, мать расцеловалась, и поехал. А потом дня через два или три посмотрели, а он даже не того года призывного – 1898 г. С 1900 по 1940 гг. брали¹. Он еще дома побыл немного, а потом было объявление формировать казачьи полки. Все, которые у Буденного² были. Так он у Буденного был связистом всю войну, тоже там 1920-е гг. пробыл. Работал он табунщиком в колхозе, знал, какую лошадь брать, взял самую лучшую себе. Ну, все первые лошади были хорошие. Потом уже монголов³ прислали.

Отец вернулся с войны?

Он вернулся, его ранило под Моздоком. Из-под Моздока он попал в Тбилиси в госпиталь, и там пролежал остальное время, в общем, пока Куберле не освободили. Как Куберле освободили, Ростовскую область, его сразу выписали [из госпиталя], и домой приехал. Он приехал, сразу его назначили бригадиром тракторной бригады. И вот он был с пацанами, по 14–13 лет трактористы были, он ими руководил в военное время.

Вы на фронте в Бога верили? Казаки верующие были?

Все молились, все Бога просили, когда бомбили, не знали куда залезть.

Несмотря на то, что коммунистам это запрещалось?

Нет-нет, никто не видел. Мне мать еще зашила молитву, забыл, как называется.

Живый в помощи?

Живый в помощи, да. Она и сейчас у меня лежит.

Именно та, с фронта?

Да. Она [мать] переписала знакомой, та знакомая мне ее передала.

Командиры тоже веровали, молились?

Да откуда мы знаем? Открыто никто не молился.

В церковь не заходили в местах, которые проходили?

Нет. Каждый себе, как говорится, в уме.

На фронте как кормили? С питанием хорошо было?

Всякое было. Там кухня, конечно, старалась хоть каким-то супом накормить, а когда в бою, там уже сами кормились. В общем, занимаешь комнату или дом, смотришь, там сало. Сало, в основном, где находили – кусок бросишь в башлык, уже у тебя есть пососать.

А где были самые тяжелые бои?

Тяжело везде было. В окружении мне тяжело было, под себя гранату подлаживал. Боялся попасть в плен. Под Ньиредьхазой. А я стрелял метко, без промаха.

И все время ПТР с собой?

С собой.

Вы на плече носили или привязывали к коню?

Подскакиваем в строевом, как говорится, в конном строю, спрыгиваем, беру ПТР, лошадь у меня коновод забирает, назад едут, а мы в наступление идем в пешем строю.

Вы с шашкой были на коне?

Шашки мы и не видели. Мы их сняли, все сложили в нашу подводку, они так и лежали там.

Не нужны были?

Ну что с шашкой делать? Один раз, по-моему, ходили в атаку, но я как пэтээровец не был [с шашкой].

¹ 22 июня 1941 г. была объявлена мобилизация военнообязанных 14 возрастов, с 1905 по 1918 гг. рождения. В августе 1941 г. – мобилизация военнообязанных 1890–1904 гг. рождения.

² Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – советский военачальник, участник Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн, Маршал Советского Союза (1935), трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968). В 1919–1923 гг. – командующий 1-й конной армией.

³ Поставки лошадей из Монголии для Красной армии начались в 1941 г.

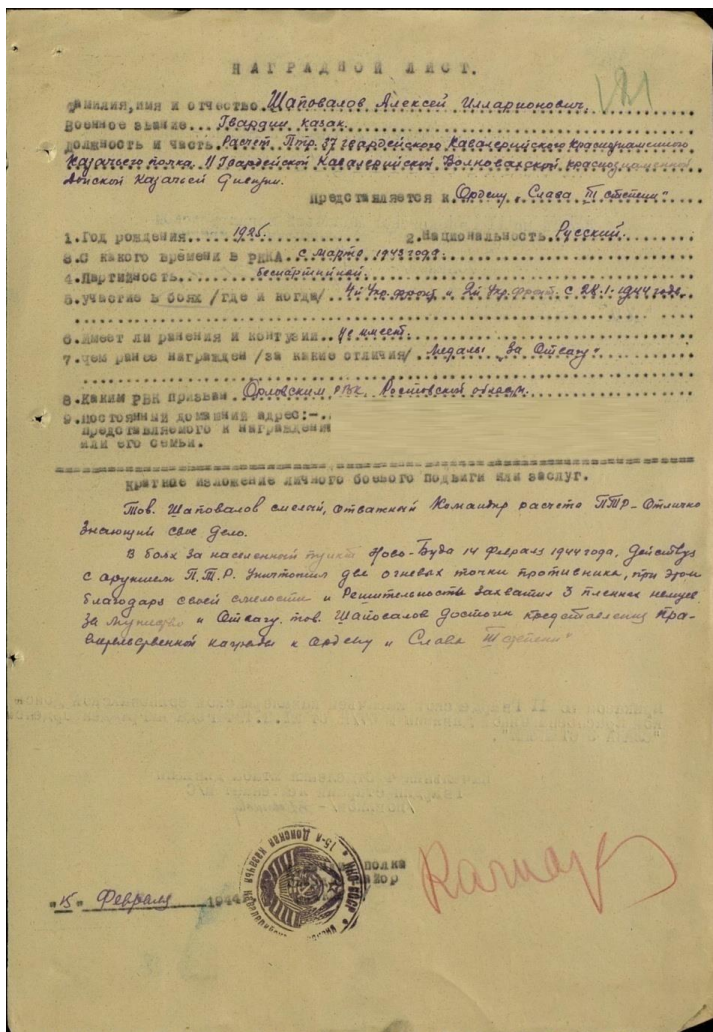

Рис. 3. Наградной лист о представлении А.И. Шаповалова к ордену Славы III степени, составленный 15 февраля 1944 г. командиром 37-го гвардейского казачьего кавалерийского полка (ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2597. Л. 181)

С собой у Вас был револьвер или винтовка?

Был положен мне пистолет, первый номер, а второй номер с автоматом. Но пистолетов нам не давали, я немецкий отобрал. Парабеллум¹, большой такой, но он что-то долго у меня не был, не знаю, куда я его дел или отобрали. Когда в Вербивке взял трех пленных, как раз село забирали, дворов 9–10 мы обошли. Потом зашли в один дом, рамки ульев висят, а ребята: «Здесь должен быть мед. Полезем на чердак?» На чердак полезли. Говорит: «Мед на чердаке не бывает, а в подвале бывает, я сейчас полезу». А подвалы там глубокие, на Украине. И я без всякого кинулся в подвал и услышал шумок. Кто-то там, чувствовал. Почувствовал и я, как пулей вылетел с этого подвала. Говорю: «Кто там? Выходите! Сейчас гранату бросаю!» В ответ: «Постой! Не надо! Мы это...». Слышу разговор русский. Вылезают три немца, и нас три пацана. Здоровые ребята такие. Вот этот парабеллум я забрал у него. Спрашиваем: «Ну как? Что? Чего, в общем?». А они: «Мы это, носили, мы не воевали...». А сами в полной немецкой военной форме. Говорят: «Мы раненых носили в госпитали у них, помогали». Ну, дали им закурить. Эти два остаются. Я их повел в штаб, сзади где-то штаб был. Поехал, прошел немного, метров, наверное, 300 с ними, когда три человека офицера, в нашей форме, а может, это немцы были переодетые. Спрашивают: «Куда ты их?». Я говорю: «Мне в 37-й полк. Где штаб 37-го полка?» Отвечают: «Какой штаб?». И один

¹ Германский самозарядный пистолет, отличавшийся высокой точностью стрельбы за счет удобной рукоятки и легкого спуска.

достаёт, по-моему, капитан или майор, и вот с нагана [целится], они за меня прячутся. А этот кричит: «Ты смотри, его не убей!» Говорит: «Да и его, у нас такого мяса хватает!» И на меня: «Ты что думаешь?». Я-то с автоматом. Мысль так: если только поднимет, автомат нажму.

На офицера?

Ну а что? Там особенно не смотришь. Я его значит [припугнул], он назад положил наган, я пошел. Говорит: «Иди на передовую!» Прихожу, ребятам рассказываю, так и так, а куда они делись? Почему их три человека, три офицера? В папахах тоже, в казачьей форме.

Они прятались, что ли?

Да, они стояли там, стена была какая-то или разбитый дом, они возле него стояли.

Спасибо, Алексей Илларионович!

Рис. 4. А.И. Шаповалов, 2010-е гг. (Семейный архив А.И. Шаповалова)

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект №17-18-01411).

Литература

Горшков, Овчаренко, 1985 – Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской гвардейский: Очерк о героическом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1985. 160 с.

Пятый донской, 1979 – Пятый донской. Воспоминания ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1979. 160 с.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Шаповалов, 2010 – Шаповалов А.И. Воспоминания о службе в пятом Донском Кавалерийском корпусе. Новочеркасск, [б.и.]. 2010. 32 с.

Arkhipova et al., 2015 – Arkhipova E.V., Krinko E.F., Ryblova M.A., Khlynina T.P. Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (10), Is. 4, pp. 256-266.

[Krinko, 2016](#) – *Krinko E.F.* “And when the Germans came, we did not really interested...”: Interview with Viktoriya Nikolaevna Kononyhina–Semina // *Russkii Arkhiv*. 2016, Vol. (14), Is. 4, pp. 321-337.

[Krinko, Khlynina, 2014a](#) – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* An Interview with Anatoly Konstantinovich Agarkov // *Russkii Arkhiv*. 2014. Vol. (5), № 3, pp. 163-190.

[Krinko, Khlynina, 2014b](#) – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* An Interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova // *Russkii Arkhiv*. 2014. Vol. (5), № 3, pp. 191-207.

[Krinko, Khlynina, 2014c](#) – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // *Russkii Arkhiv*. 2014. Vol. (5), № 3, pp. 152-162.

[Krinko, Kurbat, 2015](#) – *Krinko E.F., Kurbat T.G.* “I have passed from Stalingrad to Berlin”: interview with Vasily Ivanovich Peretyatko // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (8), Is. 2, pp. 148-161.

References

[Arkhipova et al., 2015](#) – *Arkhipova E.V., Krinko E.F., Ryblova M.A., Khlynina T.P.* (2015). Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses. *Russkii Arkhiv*. Vol. (10), Is. 4, pp. 256-266.

[Gorshkov, Ovcharenko, 1985](#) – *Gorshkov S.I., Ovcharenko I.V.* (1985). Donskoj gvardejskij: Oчерk o geroicheskom puti 5-go gvardejskogo Donskogo kazach'ego kavalerijskogo Krasnoznamenного Budapeshtskogo korpusa [Don Guards: An essay on the heroic path of the 5th Guards Don Cossack Cavalry Red Banner Budapest]. Rostov-na-Donu: Kn. izd-vo, 160 p. [in Russian]

[Krinko, 2016](#) – *Krinko E.F.* (2016). “And when the Germans came, we did not really interested...”: Interview with Viktoriya Nikolaevna Kononyhina–Semina. *Russkii Arkhiv*. Vol. (14), Is. 4, pp. 321-337.

[Krinko, Khlynina, 2014b](#) – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* (2014). An Interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova. *Russkii Arkhiv*. Vol. (5), № 3, pp. 191-207.

[Krinko, Khlynina, 2014c](#) – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* (2014). History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945. *Russkii Arkhiv*. Vol. (5), № 3, pp. 152-162.

[Krinko, Khlynina, 2014a](#) – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* (2014). An Interview with Anatoly Konstantinovich Agarkov. *Russkii Arkhiv*. Vol. (5), № 3, pp. 163-190.

[Krinko, Kurbat, 2015](#) – *Krinko E.F., Kurbat T.G.* (2015). “I have passed from Stalingrad to Berlin”: interview with Vasily Ivanovich Peretyatko. *Russkii Arkhiv*. Vol. (8), Is. 2, pp. 148-161.

[Pjatyj donskoj, 1979](#) – Pjatyj donskoj. Vospominaniya veteranov 5-go gvardejskogo Donskogo kazach'ego kavalerijskogo Krasnoznamenного Budapeshtskogo korpusa (1979) [Fifth Donskoy. Memoirs of veterans of the 5th Guards Don Cossack Cavalry Red Banner Budapest Corps]. Rostov-na-Donu: Kn. izd-vo, 160 p. [in Russian]

[Shapovalov, 2010](#) – *Shapovalov A.I.* (2010). Vospominaniya o sluzhbe v pjatom Donskom Kavalerijskom korpuse [Memories of service in the fifth Don Cavalry Corps]. Novocherkassk, [without publication], 32 p. [in Russian]

[TsAMO RF](#) – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation].

Интервью с Алексеем Илларионовичем Шаповаловым о службе в 5-м гвардейском Донском казачьем кавалерийском корпусе

Подготовка к публикации, введение и комментарии

Максим Валерьевич Медведев ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m1max@mail.ru (М.В. Медведев)

Аннотация. Интервью с Алексеем Илларионовичем Шаповаловым было посвящено его военной биографии и фронтовой повседневности в годы Великой Отечественной войны. А.И. Шаповалов в составе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса участвовал в освобождении Донбасса, в боях за Волноваху, в сражениях за Левобережную и Правобережную Украину, в освобождении Молдавии, Румынии и Венгрии. Респондент подробно рассказывает о том, как осуществлялся его призыв на фронт, как ему приходилось приспосабливаться к особенностям военной службы и переносить все тяготы и лишения военного лихолетья. Автор воспоминаний также делится моментами из своей личной жизни в период войны и ситуациями встреч с противником в боевых условиях. Воспоминания А.И. Шаповалова являются ценным свидетельством того, как война формировала из обычного человека будущего профессионала военного дела, в частности, опытного бронебойщика, которым и стал респондент, проходя службу в прославленном казачьем корпусе в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: А.И. Шаповалов, Великая Отечественная война, 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус, фронтовая повседневность, устная история, военные воспоминания.